

герметиков («Знаете ли вы, что вы боги?») Есть возможность — фактически долг человека — попытаться воссоединиться с Божественным. Гностики выражают это в религиозных терминах (видя соединение с Божественным как Спасение), а герметики рассматривают его в терминах магии, но идея в основе их воззрений одна и та же. Невозможно провести разграничительную линию между гностицизмом и герметизмом, как невозможно разграничить религию и магию.

Более того, и гностицизм и герметизм можно проследить до одного и того же времени и места: идеи возникли в Египте, в частности в Александрии в I и II веках. Этот плавильный котел религиозных и философских идей сформировался на основе верований многих культур — греческой, персидской, иудейской, древнеегипетской и даже религий Дальнего Востока, — и в нем были разработаны идеи, пронизывающие всю нашу культуру. (Тесную связь между гностицизмом и герметизмом иллюстрирует тот факт, что «гностические Евангелия», найденные в Наг Хаммади, включают трактаты с диалогами Гермеса Трисмегиста.)

Космология *Pistis Sophia*, гностического Евангелия, в котором ключевую роль играет Мария Магдалина, не имеет существенных отличий от космологии магов Ренессанса, таких как Марсилио Фичино (1433—1499), Генрих Корнелий Агриппа или Роберт Фладд (1547—1637). Те же идеи, та же культура в то же время и в том же месте легли в основу алхимии. Хотя в нее вошли более ранние концепции, алхимия была — в том смысле, в котором ее сейчас понимают, — продуктом Египта времен первых веков христианской эры. Корни алхимии и общее в ней с герметизмом и гностицизмом исследованы Джеком Линдсе-ем в книге «Происхождение алхимии в греко-римском Египте» (1970 г.).

Привлекательность гностицизма понять нетрудно, хотя эта моральная система не слишком легкая — упор делается на личную ответственность за свои действия, — но в то же время угроза для Римской церкви, исходящая от такой веры, очевидна. Как предположительно писал Гермес Трисмегист: «О! Что за чудо — Человек!» — восклицание, заключающее в себе утверждение, что человечество не лишено искры божественности. Ни гностики, ни герметики не пресмыкаются перед своим Богом. В отличие от католиков, они не считают себя низменными созданиями, удел которых — чистилище, если не ад. Признание божественности автоматически предполагает наличие того, что мы сейчас называем «самоуважением» и уверенностью в себе — магическую силу в процессе реализации потенциальных возможностей человека. В этом заключается ключ Ренессанса как явления.

Бесстрашие — следствие такого подхода можно видеть во внезапном открытии мира через кругосветные путешествия и исследования. Но еще хуже для Церкви то обстоятельство, что понятие божественности индивида предполагает равенство женщины с мужчиной, по меньшей мере, в духовном отношении. Женщина в среде гностиков всегда имела голос и даже принимала участие в религиозных церемониях в качестве официального лица — вот в чем была одна из главных угроз Церкви со стороны гностицизма. Более того, концепция божественности человека не согласуется с христианской идеей «первородного греха» — представлением о том, что все люди рождаются грешниками из-за падения Адама и Евы (особенно Евы). Поскольку все дети появляются на свет в результате «постыдного» полового акта, эта идея навечно связывала женщин и детей в своего рода вечный заговор против чистых мужчин и карающего Бога. Гностики и герметики не признавали «первородного греха».

Каждого человека поощряли к исследованию как внешнего, так и внутреннего мира — к овладению *gnosis*, знанием божественного. Этот упор на индивидуальное спасение является прямым антитезисом церковного положения о том, что только священник является тем проводником, через которого Бог может общаться с человечеством. Гностическая